

Экономическая история

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 89–97.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 3 (23). P. 89–97.

Научная статья

УДК 397(=470.61)+339.1/340.141

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-89-97>

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ И ЕЁ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ (БУКЕЕВСКОЙ) ОРДЕ КАЗАХОВ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

**Джамбул Насихатович
Кабдиев**

Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева
Астрахань, Россия, kabdiev00@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-7723-5332>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу процессов становления и эволюции торговых отношений, а также их правового регулирования во Внутренней (Букеевской) орде казахов в первой половине XIX в. На основе широкого круга архивных источников и научной литературы в статье прослеживается трансформация торговых практик от традиционного натурального обмена (*айырбас сауда*) и разъездной торговли к организованной ярмарочной системе с денежным обращением. Особое внимание уделяется взаимодействию и конфликту традиционной правовой культуры кочевников, основанной на нормах обычного права (адат), и имперского административно-правового регулирования. Исследуется феномен «двойственно-го» понимания ключевых экономических категорий (таких как аренда земли) на стыке кочевой и оседлой цивилизаций. Показано, как торговля стала катализатором глубоких социально-экономических изменений в казахском обществе, способствуя его интеграции в экономическую систему Российской империи и одновременно порождая внутренние конфликты, ярким проявлением которых стало восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова (1836–1838 гг.). Решающая роль в появлении стационарных населенных пунктов в Орде принадлежит торговцам, чье появление и устройство в этих землях стало возможным при поддержке со стороны властных структур разного уровня – от ханской администрации до имперских губернских органов. Делается вывод о том, что Букеевская орда имела уникальный путь развития, обусловленный ее особым внутренним статусом («анклавом» в составе империи) и географической близостью к ключевым экономическим центрам Нижнего Поволжья и Южного Урала. Это способствовало формированию здесь более сложных и динамичных гибридных форм торгово-правовых отношений, сочетавших кочевую традицию с имперскими административными новациями, что отличало Букеевскую орду от других казахских жузов, долгое время сохранявших более традиционный уклад.

Ключевые слова: Букеевская орда, история торговли, ярмарки, обычное право, российское законодательство, натуральный обмен, денежное обращение, аренда земли, правовое регулирование, межцивилизационное взаимодействие, хан Джангир.

Для цитирования: Кабдиев Д. Н. Развитие торговли и её правового обеспечения во Внутренней (Букеевской) орде казахов (первая половина XIX в.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 89–97. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-89-97>

Сведения об авторе: Д. Н. Кабдиев – аспирант факультета истории и социальных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а.

© Кабдиев Д. Н., 2025

Scientific Article

UDC 397(=470.61)+339.1/340.141

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-89-97>

DEVELOPMENT OF TRADE AND ITS LEGAL SUPPORT IN THE INNER (BUKEY) HORDE OF KAZAKHS (FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

Dzhambul N. Kabdiev

Astrakhan State University named
of V. N. Tatishcheva
Astrakhan, Russia, kabdiev00@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-7723-5332>

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the formation and evolution of trade relations and their legal regulation in the Inner (Bukey) Horde of Kazakhs in the first half of the 19th century. Based on a wide range of archival sources and scientific literature, the article traces the transformation of trade practices from traditional barter (ayyrbas sauda) and itinerant trade to an organized fair system with monetary circulation. The author pays particular attention to the interaction and conflict between the traditional legal culture of the nomads, based on the norms of customary law (adat), and imperial administrative and legal regulation. The phenomenon of a dual understanding of key economic categories (such as land lease) at the junction of nomadic and sedentary civilizations is explored. The study shows how trade became a catalyst for profound socio-economic changes in Kazakh society, facilitating its integration into the economic system of the Russian Empire while simultaneously generating internal conflicts, a vivid manifestation of which was the uprising led by Isatai Taimanov and Makhambet Utemisov (1836–1838). Merchants played a decisive role in the emergence of permanent settlements in the Horde. They settled on these lands thanks to the support of government structures at various levels – from the khan's administration to imperial provincial authorities. In conclusion, the Bukey Horde had a unique development path, conditioned by its special internal status (an enclave within the empire) and its geographic proximity to the key economic centers of the Lower Volga and Southern Urals. This facilitated the development of more complex and dynamic hybrid forms of trade and legal relations, combining nomadic traditions with imperial administrative innovations. This distinguished the Bukey Horde from other Kazakh zhuzes, which for a long time retained a more traditional way of life.

Keywords: Bukey Horde, history of trade, fairs, customary law, Russian legislation, barter, monetary circulation, land lease, legal regulation, cross-civilizational interaction, Khan Zhangir.

For citation: Kabdiev, DN 2025, 'Development of Trade and its Legal Support in the Inner (Bukey) Horde of Kazakhs (First Half of the 19th Century)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 89–97, [http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-89-97](https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-89-97) (in Russ.)

Information about the Author: Dzhambul N. Kabdiev – Postgraduate Student of the Department of History and Social Communications, Astrakhan State University named of V. N. Tatishcheva, 20a, Tatishchev Str., Astrakhan, 414056, Russia.

Введение

Настоящая статья посвящена проблеме торговли во Внутренней казахской (Букеевской) орде. Император Павел I в свой последний день жизни и правления разрешил в 1801 г. султану Букею и подвластным группам занять пустовавшие после ногайцев и калмыков весьма обширные земли между реками Волга и Урал вплоть до северной кромки Каспийского моря. Но проблему границ в связи с торговлей можно обсуждать отдельно в дальнейшем. Этот регион, исторически связанный с торговыми путями, стал зоной интенсивных межрегиональных и межэтнических экономических контактов.

Источниками для нас послужили архивные документы, включая Положение от 19 мая 1806 г. «Об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской и Кавказской», а также данные журналов мануфактур и торговли, приведенные до революции Алексеем Ираклиевичем Лёвшиным и Яковом Владимировичем Ханыковым [8; 14]. Много интересного приводят в своих трудах по Букеевской орде Алексей Николаевич Харузин [15], этнограф Павел Иванович Небольсин [9], а также Михаил Игнатьевич Иванин – бывший советник Временного Совета Внутренней орды [6]. Данные архивов из Казахстана и Оренбургья, приведены в сборнике по истории Букеевской орды [7] и в приложении книги профессора Биляла Аспандиярова [1]. Полезные сведения мы получили из монографий по российским казахам современных авторов – Геннадия Александровича Ташпекова [12], Ларисы Дмитриевны Утюшевой [13]. В Государственном архиве Астраханской области нам повезло уточнить локализацию одной ярмарки, а также взаимоотношения между казахами-букеевцами и российскими купцами не ранее 1810 г. [3, л. 1]. Добавим также наши материалы из поездки почти по всему Букеевскому пространству в связи с конференцией в городе Уральск и поселке Ханская Ставка в декабре 2023 г.

Основная часть

Геополитическое расположение Букеевского ханства в первой половине XIX в. характеризовалось следующими контактными зонами: север – Саратовская губерния, восток – земли Уральского казачьего войска, юг – частные дачи и рыболовецкие поселения на побережье Каспийского моря, запад – Енотаевский уезд Астраханской губернии, а также кочевья калмыков и кундровских татар (ногайцев-карагашей). Торговля между ордой и соседними губерниями (Астраханской, Саратовской, Оренбургской и др.) прошла несколько этапов, а именно – от разъездной формы к стационарной и наиболее сложенной, организованной ярмарочной торговле, от меновой (*айырбас сауда*) – к денежной. Эти разные виды осуществлялись последовательно во времени. Букеевцам высочайше было определено первое место для «мены-ярмарки»: согласно пункту 38, учредить «Киргизский базар» надлежало у реки Ахтубы между кордонными постами Белой мечети и Долот-хана [3, с. 289].

В ассортименте с обеих сторон присутствовали следующие товары: мелкий и крупный скот (овцы, коровы, лошади, иногда верблюды), продукты животноводства (шерсть, кожи, кошмы, конский волос), а также меха (волка, лисицы, сурков, куницы и т. д.) со стороны казахов, а со стороны россиян – фабричные товары, текстильные изделия и мануфактурная продукция, предметы первой необходимости, продукты питания (хлеб, ткани, чай, крупы, зерно, мука, сахар, деревянные изделия, всяческая утварь, оружие и порох), что, конечно, внесло свой вклад в трансформации традиционного уклада жизни букеевских казахов.

На раннем этапе, до организации стационарных торговых точек, меновые и денежные торговые операции осуществлялись стихийно в приграничных зонах – возле русских поселений, казачьих сторожевых линий, военных форпостов и укреплений, окружавших территорию орды. А товарообмен в самой Букеевской (Внутрен-

ней) орде носил, в основном, «разъездной» характер – купцы из Астрахани, Саратова, Самары, прибыв с товарами, разъезжали по урочищам, где кочевали казахи, производили с ними обмен и уезжали обратно. Упомянутые выше А. И. Лёвшин и Я. В. Ханыков выделяли следующие места активных коммерческих операций на тот период. На северной границе орды наблюдалась интенсивная коммерческая активность преимущественно вдоль Узенской линии, особенно в Глининском форпосте. В северо-западной части Букеевской степи – озеро Эльтон, где не ранее 1810 г. была организована ярмарка, хотя там торговали и до её учреждения. На южном участке Уральской линии – от Кулагинской крепости до Гурьева городка. Особой концентрацией торговой активности отличалась Сарайчиковская станица (ныне в Атырауской области Казахстана).

В прибрежной зоне Каспийского моря между Гурьевым городком и Астраханью функционировала сеть рыбопромышленных ватаг, где осуществлялась торговля между букеевскими казахами и купеческими группами. Букеевцы торговали на Калмыцком базаре, который был расположен недалеко от Астрахани. Это было поселение, официально закрепленное за калмыками [8, с. 395–396; 14, с. 58–60].

Таким образом, торговые операции проводились в основном с уральскими казаками, русскими, отчасти с баскунчакскими украинцами (чумаками), немецкими колонистами, а также иногда с кочевниками – калмыками и соседними полукочевниками, в частности с карагашами (кундревскими татарами).

Стоит отметить, что для администрирования ярмарок ханы ввели должность попечителя, в чьи обязанности входило посредничество между казахами и иногородними торговцами, разрешение конфликтов и документальный учет торговых операций, прежде всего – сделок по продаже скота, с последующим представлением отчетности султану.

В 1832 г., в период правления хана Джангира, в Ханской ставке была официально учреждена регулярная сезонная ярмарка, функционировавшая дважды в год – с 15 апреля по 15 мая и с 15 сентября по 15 октября, с параллельным законодательным запретом на практику разъездной торговли. Инфраструктура постепенно развивалась: от временных кибиточных стоянок к деревянным постройкам (складам, торговым рядам). Одновременно создавались специализированные пункты ветеринарного контроля, где осуществлялся обязательный осмотр пригоняемого скота, выдавались купцам соответствующие свидетельства, а также оформлялись сопроводительные документы для транспортировки купленного скота и сырья на российские внутренние рынки.

Казахи оперировали своим обычным правом (адат), официальные власти – законами империи и губернскими установлениями. Исследователями отмечены противоречия полномочий в ханской и официальной юрисдикции: хан забирал себе больше и даже иногда хитрил [12, с. 120]. Но, похоже, что можно выделить даже специальное ярмарочное право. Нарушения были, но дабы не нарушать общий настрой мероприятия, публичные наказания хан Джангир запретил.

Порядок на ярмарках был примерно таков: сроки определялись чаще сезонно – после окончания кочевий (*жайлау*), хан Джангир учредил должность депутата. К примеру, выделялся особый депутат, который выполнял регулятивную функцию: обязанный находиться в Ханской ставке, уполномоченный представитель обеспечивал поддержание правопорядка среди казахского населения, в частности, казахских участников торгов, контроль за исполнением предписаний местной полиции и посредничество при разрешении конфликтов между оседлым населением и кочевниками в период проведения ярмарок.

Ярмарки имели свою топографию: торговые лавки ставились в два и более рядов. Устанавливался срок решения малозначительных торговых споров в один день.

Предусматривались даже, говоря современным языком, пени и ступенчатая апелляция. Не допускалось фальсификации товаров и примешивания к весовым товарам неподобающих веществ (песка), развивалось документирование с обеих сторон, за сохранение спорного имущества нарушителя, оставленного нарушителем, отвечали доверенные лица [7, с. 361–368].

Уточняя сюжет об этапах, любопытно отметить историю появления стационарных торговых пунктов. Так, 26 декабря 1824 г. асессор из Оренбургской пограничной комиссии, титулярный советник А. Д. Кузнецов в служебной переписке с ханом Джангиром обозначил проблемы в ведении торговли, с которыми сталкивались российские купцы в степи. В связи с этим он предложил открыть на территории Орды два стационарных торговых пункта для развития «...купеческой коммерции...». Уже в феврале 1825 г. оренбургский военный губернатор П. К. Эссен издал распоряжение об учреждении новых торговых пунктов: у горы Чапчачи (недалеко от Волги) и при Нарын-песках на урочище Уялы (неподалеку от Урала) – оба располагались вблизи кордонных линий [там же, с. 253–255]. Здесь ежегодно в апреле проходили организованные съезды для оптовых закупок скота, куда приезжали купцы из внутренних городов империи. Несмотря на учреждение этих центров, гибкая модель разъездной торговли не была вытеснена. Купцы продолжали использовать как прямое посещение кочевий, так и опосредованные схемы работы через доверенных казахов, получавших товар под расписку.

Как упоминалось выше, основной формой торговли у букеевских казахов в первой четверти XIX в. выступал натуральный обмен, где расчетной единицей служил годовалый баран (*ісек*), двухгодовалый (*кунан*) стоил как полтора секи, а трехгодовалый (*донен*) стоил как два годовалых. Такая практика соответствовала традиционной структуре кочевого хозяйства, однако носила неэквивалентный характер с точки зрения рыночных отношений. Поэтому с 1820-х гг. происходят изменения в торговых практиках в связи с введением в орде денежной системы налогообложения, а также из-за практической целесообразности денежных расчетов (выгодность денежных платежей при внесении податей, удобство при приобретении товаров в других губерниях) и формирования у букеевцев навыков денежного накопления.

На юге были расположены дачи, принадлежавшие графу Безбородко и князю Юсупову, с которыми у букеевских казахов возникали споры в течение почти всего периода существования ханской власти в орде (1801–1845 гг.) [4, л. 1–3]. В связи с изданием Положения 1806 г. приказчики помещиков, жившие на рыбных промыслах и в населенных пунктах, стали ограничивать казахов в пользовании пастбищами на северном побережье Каспийского моря. Приказчики стали обозначать границы дач маяками, межевыми столбами и более мелкими межниками, а за пастьбу скота в районе дач они стали требовать плату. Хотя помещики вскоре ввели в практику отработку, предпочтая её арендной плате [1, с. 63–65].

Следует обратить внимание, что понимание аренды у казахов Букеевской Орды в этот период было переходным и сочетало в себе три пласта:

1. традиционные кочевые представления (господствующие);
2. политику царской администрации (внешнее влияние);
3. экономическую необходимость (вынужденная адаптация).

Как и все кочевники, казахи Букеевской Орды не рассматривали землю как объект собственности, который можно продать или сдать в аренду. Они считали, что земля – общее благо рода.

К середине XIX в. в Букеевской Орде сформировалось двойственное понимание собственно аренды:

1. Внутриордынское: по-прежнему на основе обычного права *саун* как социальная помощь и временный доступ к пастбищам за плату натурой;

2. Внешнее: вынужденная экономическая аренда как плата (скотом, деньгами, товаром) за доступ к пастбищам у соседей или за право вести хозяйство на своей же земле, но по правилам, навязанным ханской властью и российскими чиновниками.

Таким образом, казахи Букеевской Орды понимали аренду еще по-кочевому, но уже были вынуждены вступать в арендные отношения по новым, поначалу чуждым им правилам, что стало источником серьезных социальных конфликтов и недопонимания.

Однако существовали устоявшиеся формы пользования ресурсами, которые русские чиновники, не вникая в суть, часто тоже записывали для отчетов как «аренду».

– Передача скота на выпас (*саун*). Это была главная форма «протоаренды» внутри кочевого общества. Бедные или пострадавшие от джуута семьи отдавали свой скот баю на содержание. Взамен хозяин скота обретал право пользоваться продуктами (молоко, шерсть), а владелец пастбищ получал приплод или часть продуктов. Это был социальный договор, а не коммерческая аренда земли.

– Разрешение на кочевку на своей территории. Представитель другого рода мог попросить разрешения перекочевывать на земли чужого рода. За это он мог выплатить компенсацию скотом или изделиями. Это также воспринималось как временная плата за пользование ресурсом, а не как аренда территории в европейском смысле.

Букеевская Орда с самого начала находилась под пристальным вниманием российской администрации (Пограничная комиссия, Астраханское и Оренбургское генерал-губернаторство). Власти пытались регулировать жизнь орды по имперским законам. Например, российские чиновники пытались фиксировать отношения между казахами и другими народами (русскими, татарами, калмыками) через письменные договоры аренды. Казахи, не имевшие письменной традиции в этом вопросе, часто шли на это, не понимая долгосрочных последствий.

Также царская администрация признавала верховным собственником земли хана (Джангира) и его султанов. Это подрывало общинное землевладение и создавало прецедент, что кто-то один может распоряжаться землей от имени всех. Хан Джангир (правил в 1823–1845 гг.), будучи образованным человеком, сам начал активно использовать арендные отношения, раздавая лучшие пастбища своей знати и приближенным, что было новшеством для традиционного общества.

Как было упомянуто выше, Букеевская Орда была окружена российскими землями, а ее внутреннего пространства перестало хватать для растущего поголовья скота и населения. Казахи были вынуждены арендовать пастбища у соседей – уральских казаков, калмыков и русских помещиков. Здесь традиционные представления столкнулись с реальностью. Они платили за право кочевать на этих землях скотом, деньгами или отработками. Это была уже вынужденная и внутренне конфликтогенная экономическая сделка, близкая к классической аренде.

Восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова (1836–1838 гг.) служит иллюстрацией такого конфликта. Восставшие выступали против произвольной раздачи ханом земель в аренду. Хан Джангир и его окружение рассматривали землю как объект для распоряжения и извлечения дохода (арендная плата). Родовые старшины и простые кочевники видели в этом предательство исконных обычаяев (*әдем-ғұрып*), где земля – общая, и никто не вправе единолично сдать ее в аренду, лишив сородичей пастбищ. И такие социальные неурядицы отмечались и далее не раз (в том числе и вне рассматриваемого нами периода).

Также стоит упомянуть о населенных пунктах в Орде. В XIX в. земли Внутренней (Букеевской) орды оставались слабозаселенными. Миграция оседлого населения из других регионов Российской империи была незначительной в силу ряда сдерживающих факторов.

Во-первых, правовой режим этих территорий, дарованных императором Александром I в исключительное пользование букеевским казахам, ограничивал возможности для колонизации. Во-вторых, суровые природно-климатические условия степи были малопригодны для ведения оседлого земледелия и создания постоянных поселений. Кроме того, данные земли не вызывали интереса у государства ввиду отсутствия стратегических транспортных маршрутов и разведанных месторождений полезных ископаемых.

Вследствие этого в XIX столетии на территории Орды возникло лишь три небольших поселения. Долгое время Ханская Ставка (основана в 1828 г.) оставалась не только административным, но и единственным постоянным населенным пунктом. Только во второй половине века усилиями торговцев были заложены два новых поселка – Новая Казанка и Таловка [2, с. 642].

Выводы

По этапности развития букеевской торговли. Торговля Букеевской орды с со-пределльными российскими губерниями прошла в своем развитии три этапа:

- разъездная торговля: стихийный товарообмен в приграничных зонах, где русские и татарские купцы самостоятельно разъезжали по степи;
- стационарные пункты: создание по инициативе имперской администрации (например, у горы Чапчачи и урочища Уялы в 1825 г.) постоянных мест для торговых операций;
- организованная ярмарочная система: учреждение централизованных, регламентированных по времени и месту проведения ярмарок (как в Ханской ставке в 1832 г.), что означало переход к высшей форме торговой организации.

По эволюции форм расчета. Произошел переход от чисто натурального обмена, где универсальной расчетной единицей выступал скот (годовалый баран – ісек), к денежному обращению. Эта трансформация была обусловлена введением денежной системы налогообложения, практической целесообразностью и постепенным формированием у кочевников навыков денежного накопления.

По формированию уникального правового поля. Торговая деятельность на территории орды регулировалась сложным переплетением трех правовых систем:

- казахское обычное право (адат) регулировало отношения между самими кочевниками;
- имперское законодательство регламентировало отношения между русскими купцами и казахами, а также формально устанавливало общие правила;
- так называемое ярмарочное право – комплекс локальных правил и установлений, выработанных непосредственно для регулирования ярмарочной жизни (сроки разрешения споров, борьба с фальсификацией товаров, должность ярмарочного депутата и попечителя). Это право стало продуктом синтеза имперских административных норм и практической необходимости учета местной специфики.

По двойственности в понимании экономических отношений. Ключевым противоречием стало столкновение кочевого и оседлого восприятия собственности и аренды. Для кочевого общества традиционными были отношения *саун* (передача скота на выпас как акт социальной помощи) и плата за временный доступ к ресурсам. Имперская администрация и ханская власть, возглавляемая образованным ханом Джангиром, насаждали понятие земли как объекта собственности и коммерческой аренды. Это противоречие стало одной из главных причин социального протеста, вылившегося в восстание 1836–1838 гг.

О геоэкономических преимуществах Букеевской орды. Внутренний статус орды и ее близость к крупным торговым центрам империи (Астрахань, Саратов, Оренбург) обусловили более быстрое и глубокое вовлечение ее в общероссийский экономический процесс по сравнению с Зауральскими ордами. Это проявилось в более

плотных торговых связях, более раннем переходе к денежным отношениям и смещении торговой инфраструктуры (ярмарок) непосредственно на территорию орды с первой половины XIX в.

Стационарные поселения в Букеевской орде. В XIX в. на территории Орды возникло всего три поселения – Ханская Ставка, Ново-Казанка и Таловка. В рассматриваемый период ключевым драйвером возникновения стационарных поселений в Букеевской орде выступила именно торговая деятельность. Их появление и консолидация стали возможны благодаря лояльной политике местной ханской администрации и властей, поощрявших торговые операции на подконтрольных территориях.

О культурно-языковом взаимодействии. Торговля выступала не только экономическим, но и коммуникативным каналом, способствуя возникновению многоязычной ярмарочной лексики («жарменке», «бодокчай») и интерференции русского, казахского и калмыцкого языков.

Примечания

1. Основные положения статьи были доложены автором 3 июля 2025 г. на секции «Экономика и право в этнокультурном измерении» XVI Конгресса антропологов и этнологов в г. Перми.

Список источников и литературы

1. Аспандиаров Б. А. Образование Букеевской орды и её ликвидация. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2007. 400 с.
2. Белоусов С. С. Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // Oriental Studies. 2019. № 12 (4). С. 634–644. URL: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-634-644>
3. ГАОО (Государственный архив Астраханской области ГАОО). Ф. 1. Оп. 3. Т. 1. Д. 565.
4. ГАОО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 1122.
5. Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 171 с.
6. Иванин М. И. Внутренняя или Букеевская киргизская орда // Букеевской Орде 200 лет. Изд. из 6 кн. Алматы: Өлкө, 2001. Кн. 4. С. 90–146.
7. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сб. документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1120 с.
8. Лёвшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
9. Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья. СПб.: Тип. МВД, 1852. 197 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. 1830. Собр. 1-е. Т. 29: 1806–1807. № 23164. С. 283–309.
11. Почекаев Р. Ю. «Маргинальные» государства на пост-ордынском пространстве: чингизидское и российское влияние на государственно-правовое устройство Касимовского и Букеевского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства : сб. статей. Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 3. С. 112–127.
12. Таштеков Г. А. Казахи Волгоградской области: история и современность. Алматы: Эдебиет, 2023. 578 с.
13. Утюшева Л. Д. История, культура и традиции казахского народа. Волгоград: Панорама, 2016. 208 с.
14. Ханыков Я. В. Очерки состояния Внутренней Киргизской орды в 1841 году // Записки Императорского Русского Географического общества. 1847. Кн. 2. С. 27–60.
15. Харузин А. Н. Киргизы Букеевской Орды (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М.: Тип. А. Левенсон и К, 1889. 549 с.

References

1. Aspandiyarov, BA 2007, *Obrazovaniye Bukeyevskoy ordy i yeyo likvidatsiya* (The Bukey Horde: Establishment and Annexation), Qazaq Entsiklopediasy publ, Almaty. (In Russ.)
2. Belousov, SS 2019, 'Rol torgovo-remeslennogo naseleniya v sozdaniii statsionarnykh poseleniy na zemlyakh kazakhov Vnutrenney kirgizskoy ordy Astrakhanskoy gubernii. XIX v.' (The Inner Kirghiz Horde of Astrakhan Governorate: the Impact of Trades and Crafts People on the Establishment of Stationary Settlements in Kazakh-Inhabited Lands. 19th Century), *Oriental Studies*, no. 12 (4), pp. 634–644, doi: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-634-644. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti (GAAO)* (State Archives of the Astrakhan Region), fund 1, inventory 3, volume 1, file 565. (In Russ.)
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti (GAAO)* (State Archives of the Astrakhan Region), fund 1, inventory 4, volume 1, file 1122. (In Russ.)
5. Zimanov, SZ 1982, *Rossiya i Bukeyevskoye khanstvo* (Russia and the Bukey Khanate), Nauka publ, Alma-Ata. (In Russ.)
6. Ivanin, MI 2001, 'Vnutrennyaya ili Bukeyevskaya kirgizskaya orda' (Internal or Bukey Kyrgyz Horde), *Bukeyevskoy Orde 200 let. Izd. iz 6 kn.* (Bukeyevskaya Horde is 200 years old. In 6 vols), vol. 4, Өлкө publ, Almaty, pp. 90–146. (In Russ.)
7. Zhanayev, BT, Inochkin, VA & Sagnayeva, SKh 2002, *Istoriya Bukeyevskogo khanstva. 1801–1852 gg.* (History of the Bukey Khanate. 1801–1852), Dayk-Press publ, Almaty. (In Russ.)
8. Lyovshin, AI 1996, *Opisaniye kirgiz-kazachikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey* (Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisak, Hordes and Steppes), Sanat publ, Almaty. (In Russ.)
9. Nebolsin, PI 1852, *Ocherki Volzhskogo nizovya* (Essays on the Lower Volga), Tip. MVD publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. 1806–1807* (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1806–1807) 1830, coll. 1, vol. 29, no. 23164, pp. 283–309. (In Russ.)
11. Pocheokayev, RYu 2011, "Marginalnyye" gosudarstva na post-ordynskom prostranstve: chingizidskoye i rossiyskoye vliyanije na gosudarstvenno-pravovoye ustroystvo Kasimovskogo i Bukeyevskogo khanstv' ("Marginal" states in the post-Horde space: Chinggisid and Russian influence on the state and legal structure of the Kasimov and Bukey Khanates), *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva* (Medieval Turkic-Tatar States), no. 3, Ikhlas publ, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT publ, Kazan, pp. 112–127. (In Russ.)
12. Tashpekov, GA 2023, *Kazakhi Volgogradskoy oblasti: istoriya i sovremennost* (Kazakhs of the Volgograd Region. History and Modernity), Әdebiyet publ, Almaty. (In Russ.)
13. Utyusheva, LD 2016, *Istoriya, kultura i traditsii kazakhskogo naroda* (History, Culture, and Traditions of the Kazakh People), Panorama publ, Volgograd. (In Russ.)
14. Khanykov, YaV 1847, 'Ocherki sostoyaniya Vnutrenney Kirgizskoy ordy v 1841 godu' (Essays on the State of the Inner Kirghiz Horde in 1841), *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* (Notes of the Imperial Russian Geographical Society), book 2, pp. 27–60. (In Russ.)
15. Kharuzin, AN 1889, *Kirgizy Bukeyevskoy Ordy (Antropologo-etnologicheskiy ocherk)* (Kirghiz of the Bukey Horde (Anthropological and Ethnological Essay)), no. 1, Tip. A. Levenson i K publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.09.2025
Одобрена после рецензирования: 05.11.2025
Принята к публикации: 05.11.2025

The article was submitted: 29.09.2025
Approved after reviewing: 05.11.2025
Accepted for publication: 05.11.2025